Логинов, А. Четвертая сторожевая / А. Логинов // Белорусская военная газета. — 2009. — 7 апр. — С. 3.

ЧЕТВЕРТАЯ СТОРОЖЕВАЯ

Высота 2.548 метров над уровнем моря, штат – 19 человек, вооружение – ЗУ-23, два миномета калибра 82 миллиметра, крупнокалиберные пулеметы ЗГУ, «Утес», КПВТ, гранатометАГС-17, СВД, два подствольника, автоматы. В систему охраны и обороны входило пять сторожевых постов, один из них сдвоенный. Боевые задачи: недопущение проникновения бандформирований противника в район Кабула, предотвращение пусков эрэсов в направлении города, разведка в своем секторе, огневая поддержка наших войск и подразделений афганской регулярной армии. Позывной – «Призер-04». Все эти данные бывший начальник четвертой сторожевой заставы Константин Шевцов докладывает мне на одном дыхании, хотя с той поры минуло уже двадцать лет. Более того, капитан запаса визуально помнит расположение всех ориентиров для целеуказания, а их было более трех десятков.

Четвертая горная – одна из полусотни сторожевых застав, которыми десантники 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии окружили район Кабула в последние годы афганской войны. На ней кавалер ордена Красной Звезды гвардии старший лейтенант Константин Шевцов провел один год, восемь месяцев и двадцать шесть дней.

– Это один из самых ярких и, не побоюсь сказать, счастливых периодов моей жизни, – признается Константин Шевцов, с которым мы беседуем в его просторном кабинете. Сейчас у бывшего начальника заставы совсем другие – «гражданские» задачи. Он возглавляет отдел по Витебской области управления зданий республиканской собственности главного хозяйственного управления делами Президента Республики Беларусь. Впрочем, тема нашего разговора к его нынешней должности никак не относится. Мы вспоминаем о войне, которая двадцать лет назад свела нас на том самом высокогорном пятачке, который именовался четвертой сторожевой.

6 ноября 1988 года, накануне годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, меня, тогда корреспондента дивизионной газеты 103-й гвардейской ВДД, отправили в командировку на горную заставу. «На усиление», как выразился инструктор политотдела дивизии. В предпраздничные дни в такие командировки разъезжались почти все офицеры политотдела, поскольку по опыту войны именно в советские праздники душманы не давали скучать нашим десантникам. «Усиление» сторожевой заставы в моем лице было более чем символическим, зато параллельно я получал возможность изнутри изучить жизнь боевых подразделений.

Наш БТР, свернувший с дороги Кабул–Гардез, через пару километров грунтовки остановился у подножия горного хребта, вершины которого скрывались где-то в облаках, и я, мысленно напевая «Лучше гор могут быть только горы...», начал карабкаться по крутой горной тропе, указанной старшим. С каждой сотней метров восхождения объемный рюкзак и оружие становились все тяжелее, и пропорционально преодоленному расстоянию убавлялся мой оптимизм. Я уже начал жалеть, что, кроме автомата, боеприпасов и фотоаппарата, взял с собой еще и личный скарб. Но ближе к концу пути сверху лавиной ловко скатились сразу несколько солдат в горных куртках и любезно предложили помочь донести вещи. Почти выбившегося из сил, на вершине меня встретил широкой подкупающей улыбкой и крепким рукопожатием начальник

заставы – гвардии старший лейтенант Шевцов, которому, на первый взгляд, годков было не больше, чем его резвым подчиненным.

Застава показалась местом достаточно обустроенным и пригодным для жизни. Землянки, возведенные из камней и ящиков из-под боеприпасов, искусно сложенные из плоской горной породы длинные стенки, защищавшие открытые места, выдолбленные в камне глубокие окопы, основательно оборудованные сторожевые посты 103-й гвардейской ВДД чувствовалось, что не одна смена советских десантников приложила здесь свою мозолистую руку.

Уже сейчас от Константина Шевцова узнал, что в середине 80-х именно с этого места, до того как на вершине закрепились наши «голубые береты», «духи» систематически обстреливали Кабул ракетными снарядами. Сохранились даже выложенные ими из камней круги, обозначавшие места развертывания ракетных установок и минометов. Вершина имела стратегически важное местоположение 103-й гвардейской ВДД отсюда, с высоты, открывался вид на кабульский аэродром, штаб 40-й армии, расположения советских и афганских частей, дорогу Кабул – Гардез. Когда гвардейцы 103-й гвардейской захватили этот безжизненный, но лакомый кусочек земли, «духи» обозлились и начали усиленно обстреливать вершину. К сожалению, на первых порах не обошлось без жертв. Еще до того как командование четвертой заставой принял Константин Шевцов, в бою погиб солдат.

Традиционно «отметили» красный день календаря душманы и во время моего пребывания на четвертой сторожевой в ноябре 1988-го. После отбоя, ближе к полуночи, где-то рядом ухнула минометная мина. Послышалась команда «Нападение на заставу!» Командир, я и вся отдыхающая смена, схватив автоматы, выскочили на позиции. Откуда бьют минометы, было не разобрать – духи устанавливали их или за стенами разрушенных дувалов, или за камнями. Так, чтобы не выдать себя вспышками. Но стрелковое оружие обнаружить в темноте было достаточно легко.

Я устроился в окопе рядом с пулеметчиком гвардии сержантом Владимиром Чуличковым. Тогда показалось, что парень даже какое-то удовольствие испытывает, с энтузиазмом поливая очередями кромешную тьму. Но минут через десять после начала обстрела он схватился за окровавленный висок. Бойцы позвали санинструктора, и пулеметчика быстро увели в укрытие. К счастью, парень родился в рубашке: ранение оказалось легким, пуля не задела костей черепа, а лишь повредила мягкие ткани. Через несколько минут я снова видел Чуличкова с перебинтованной головой у его КПВТ.

Сейчас этот эпизод Константин Шевцов вспоминает просто как одно из множества афганских приключений. Говорит, Володя Чуличков имел уникальную способность встревать во всякие неприятности, за что сослуживцы прозвали его пулеулавливателем. Из полковой разведроты его «сослали» на горную заставу за препирательство с командиром. Здесь во время учебных занятий по боевой подготовке у него в руке разорвался запал гранаты – к счастью, парень тоже отделался царапиной. А уже перед «дембелем» он пошел за камни по нужде и умудрился... сломать ногу. На заставе, правда, решили, что это обычный вывих, и с проблемной ногой он спустился с горы, улетел в Союз, а потом еще неделю добирался поездом в Сибирь, откуда был родом. И только дома по рентгеновскому снимку врачи определили, что уже больше недели Владимир ходит с переломом...

Впрочем, ироничный взгляд Константина Викторовича на своих подчиненных никогда не мешал ему уважать и ценить их за отличную боевую выучку, преданность общему делу и исполнительность.

– Они внешне не выглядели как американские рэмбо, но были жилистыми, выносливыми, хорошо физически подготовленными, – рассказывает Шевцов. – Помимо 6-10 часов караульной службы на постах ежесуточно, бойцы успевали еще заниматься боевой подготовкой и поднимать на себе на высотную заставу огромные тяжести – воду, дрова, продукты, боеприпасы, ведь вертолеты не всегда могли их доставлять из-за погодных условий. При этом никто никогда не ныл, не роптал.

В высочайшем профессионализме подчиненных Константина Шевцова я убедился лично во время той командировки на заставу. Днем в качестве теста на меткость попросил минометчика попасть в темный камень, удаленный от позиции километра на полтора-два. Парень готовился недолго. Первая – пристрелочная – мина разорвалась метрах в пятнадцати от него, а вторая угодила точно в цель...

– Ты и в человека так попасть сможешь? – поинтересовался я у него.

– Да, смогу, – ничуть не смутившись, ответил солдат.

Война, постоянная опасность мотивировала и быстро делала из вчерашних пацанов искусных и хладнокровных воинов.

Но и в этой обстановке постоянного напряжения, стресса (заставу мятежники обстреливали 2-3 раза в неделю) было место простым человеческим радостям и даже праздникам.

...7 ноября тесная заставная столовая, выполнявшая одновременно функцию ленинской комнаты, приобрела «праздничный» вид. Поленницы дров были завешаны белыми простынями, на длинном столе из грубых досок появилась скатерть. Нехитрое обеденное меню – гороховый суп из концентрата и гречневую кашу с тушенкой украсил деликатес – торт, приготовленный досужими на выдумку десантниками.

– Тогда казалось, нет ничего вкуснее на свете, – вспоминает Константин Шевцов.

Мне, признаться, солдатский «Наполеон» тоже очень понравился. Чтобы уточнить ингредиенты, из которых изготавливался этот экзотический десерт, Константин Викторович по моей просьбе позвонил своему однополчанину, тогда сержанту соседней пятой заставы Владимиру Сергееву в Могилев. Владимир открыл кулинарный секрет; югославское печенье, привезенное с «большой земли» – из полкового магазина и напоминающее теперешний крекер, размалывалось почти в муку и смешивалось со сгущенкой. Из этого «теста» раскатывались коржи. Они промазывались джемом, который тоже продавался в магазине. Готовый торт, если была возможность, украшали орехами и фруктами.

В другие дни, по воспоминаниям Константина Шевцова, заставный рацион был, мягко говоря, более скромным. Продовольствие доставлялось на заставу один раз в месяц, чаще вертолетом. А учитывая огромные физические и психологические нагрузки десантников, а также здоровый молодецкий аппетит, который многократно усиливало постоянное пребывание на свежем горном воздухе, основная часть продуктов поглощалась в первые две недели. Оставались сечка, пшенка и перловка, которые всем изрядно надоели. Вполне естественно, что молодой солдатский организм требовал белковой пищи. Тогда, по признанию Шевцова, десантники не

брезговали дикими обитателями здешних мест. Они отстреливали и отлавливали дикобразов, черепах, змей и на восточный манер готовили из них экзотическую еду. На войне надо было выживать...

Как ни кощунственно это прозвучит, роль продовольственного НЗ иногда выполняли и собачки, которые приживались на заставе и даже помогали нести службу. Одну из них, заранее предполагая, какая уготована ей участь, так и назвали

– Гуляш...

– В канун 23 февраля, – вспоминает офицер-«афганец», – на заставу к нам поднялись «радиоперехватчики» из подразделения ОСНАЗа – прапорщик и три солдата-таджика. Их задачей было «слушать» радиоэфир «духов» в радиусе 15-20 километров. Тогда бандформирования активизировались в районе провинции Логар. Зная, что таджики умеют искусно готовить плов, мы попросили разнообразить наше скудное меню этим блюдом. Нормального свежего мяса на заставе не было, и бойцы подсунули гостям собачатину. Плов вышел отличный, но сами повара есть его отказались, чем порадовали моих ребят – им больше досталось...

Как и ожидалось, День Советской Армии и Военно-Морского Флота не обошелся без праздничного «фейерверка». Душманы, неизвестно откуда проведавшие, что на четвертой сторожевой «сидит» радиоперехват, устроили его, по воспоминаниям Константина Викторовича, около 21.00. Как назло, на горы опустился плотный туман. Первая мина, по словам Шевцова, разорвалась в районе 33-го ориентира, метрах в трехстах от заставы, следующая уже совсем рядом – возле «колючки», которой были обнесены позиции. Стало ясно, что противник ведет пристрелку. Чуть позже с поста командиру сообщили по радио, что в районе 26-го ориентира слышны речь, возгласы.

Шевцов доложил о нападении в центр боевого управления (ЦБУ). Там корректно успокоили и... в поддержке отказали.

Нулевая видимость не позволяла давать координаты и корректировать огонь артиллерии, а тем более руководить действиями авиации. Офицер понял, что остался со своей проблемой один на один.

К счастью, все обошлось. Подразделение в полном составе провело ночь в окопах. Десантники вели беспокоящий огонь, а командир через каждые пятнадцать минут принимал по радиосвязи доклады с постов, проверяя, все ли подчиненные живы.

Та ночь была одной из многих, которые Шевцову и его подчиненным пришлось коротать на позициях в ожидании нападения коварного врага. Он в красках рассказал о другом эпизоде той войны. На склоне хребта со стороны долины Логар находился укрепрайон «зеленых» – три сторожевых поста афганской армии. Периодически начальник заставы спускался к афганцам в гости. Между «союзниками» была достигнута договоренность о том, что четвертая сторожевая будет поддерживать «зеленых» огнем из всех видов оружия в случае, если на какой-либо из постов попытаются напасть мятежники. Сигналом для начала огневой поддержки десантникам служила длинная очередь вверх с поста. Следующая очередь «трассеров» указывала направление, на котором они должны были сосредоточить огонь. Пользуясь своим доминирующим положением на местности, гвардейцы быстро заставляли нападавших угомониться. Как правило, такие нападения, по воспоминаниям Константина, случались вечером, перед ужином. Разумеется, налаженное «интернациональное» взаимодействие скоро перестало нравиться душманам...

Четвертая сторожевая, одна из самых удаленных и высотных застав, была особенной еще и потому, что, помимо Володи Чуличкова, на ней служило много других «ссыльных», отправленных сюда за всевозможные провинности. Гвардии ефрейтор Александр Ломакин был одним из них. За время своей прежней службы в качестве адъютанта командира полка, или «нукера», как называли в простонародье таких солдат, он успел неплохо овладеть разговорным таджикским. По этой причине Ломакин был назначен радистом и находился на связи с афганскими сторожевыми постами при организации огневой поддержки. Однажды во время очередного обстрела поста афганцев, которых вновь выручили «шурави» с четвертой сторожевой, Александр Ломакин прибежал к командиру и доложил, что на его волну настроился душманский радист, и голос с узнаваемым восточным акцентом по-русски предупредил: «Четвертый, ты слишком много видишь!» Что означало: если хочешь жить более-менее спокойно, не влезай в наши дела. После этого сообщения командир на всякий случай объявил на заставе «всеобщую мобилизацию», и все воины несколько ночей подряд несли службу в окопах, каждую минуту ожидая нападения врага.

По признанию боевого офицера, иногда его заставе доставалось не только от «духов», но и от своих. Чего греха таить, организация взаимодействия наших частей и подразделений разной подчиненности в Афганистане не всегда была на высоте. Осенью, ближе к выводу, четырехкилометровая колонна мотострелков, двигавшаяся по гардезской дороге, неизвестно почему открыла огонь из стрелкового оружия по соседней пятой заставе гвардии старшего лейтенанта Александра Коростелева, а затем перекинула его на четвертую сторожевую. Шевцов приказал своим бойцам спрятаться в укрытиях, а сам доложил об обстреле командиру батальона гвардии майору Валерию Марченко. Вспыльчивый комбат, уже второй раз воевавший в Афганистане, недолго думая дал команду на адекватный ответ огнем. Но горячность его, по мнению гвардии старшего лейтенанта Шевцова, могла дорого обойтись десантникам. Мотострелкам ничего не стоило развернуть свою мощную «артель» и ударить по «высотникам» всерьез. Комбат согласился с его доводами, и десантники просто молча отсиделись.

Более серьезный инцидент с печальными последствиями случился той же осенью на другой горной заставе, где, кстати, начальником был однокурсник Константина Шевцова по Рязанскому воздушно-десантному училищу. Неподалеку от места дислокации «голубых беретов» появилась вновь организованная застава танкистов. Неизвестно, из каких соображений (основная версия была, что после изрядного возлияния) выстрелом из танкового орудия был уничтожен заставный нужник. Десантники, приняв неудачную «шутку» за нападение моджахедов, не остались в долгу. Двумя выстрелами ПТУР были подбиты два танка – другие два вовремя скрылись. После этой нашумевшей заварушки на «ковер» к командующему 40-й армией были вызваны командиры обеих дивизий, но, несмотря на такие неприятные последствия, комдив 103-й гвардейской ВДД гвардии полковник Геннадий Бочаров все же распорядился наградить меткого оператора ПТУР медалью – за высокую боевую выучку.

Оставлял свою горную заставу в январе 1989-го гвардии старший лейтенант Константин Шевцов со смешанными чувствами. По приказу сверху пришлось уничтожить все боеприпасы, а их за годы войны скопилось на несколько таких застав. В Фергане, куда прилетел командир с несколькими подчиненными, его тепло встретили «дембеля», покинувшие Афганистан несколькими днями ранее и специально приехавшие туда из Ташкента. Прощание было по-десантному бурным и трогательным.

Многие из ребят после войны продолжали писать и звонить бывшему взводному, у некоторых он даже побывал на свадьбах.

Сейчас, увы, встречи боевых друзей случаются все реже. Время стирает былые яркие краски и впечатления, а сегодняшние насущные заботы отодвигают на второй план память о той войне.

...Гвардии капитан Константин Шевцов покинул ряды 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и уволился в запас с должности заместителя командира парашютно-десантной роты в 1992-м, когда, по его признанию, прекратила существование страна, интересы которой он защищал в Афганистане, которой юным курсантом РВВДКУ давал присягу на верность.

А. Логинов